

ГЛАВА 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Источником жизни на Земле служит сила, посредством которой одинокая клетка, пребывающая в теплом океане доисторических времен, трансформировалась сначала в позвоночных, а затем — в человека. По словам Юлиуса Липперта, под этой силой подразумевается стремление к жизни, которая представляет собой не что иное, как «любовь и голод». С развитием человечества составной частью этой силы становится философия, которая наряду с «любовью и голодом» формирует отношение людей к миру. При этом нужно отметить, что и философия, и «идеи» Шопенгауэра описывают борьбу за жизнь, которая в интерпретации Шопенгауэра называется «волей» — этим универсальным инструментом в борьбе за существование. Однако в качестве самостоятельно действующей силы помимо «воли» нам необходимо учитывать наличие причинно-следственных связей и взаимодействие различных социальных элементов, являющихся важными факторами общественного развития. Стремление к жизни на начальных этапах развития общества обычно проявляется в различного рода «суевериях», которые основаны на обрывочных наблюдениях за воздухом и водой, землей и огнем, животными и растениями, населенными, по мнению «наблюдателей», целыми полчищами добрых и злых духов. Со всей уверенностью можно сказать, что на текущий момент только немногие народы достигли такой стадии общественного развития, когда всевозрастающую роль в борьбе с народными суевериями начинает играть наука, которая оперирует широким массивом наблюдений и фактов и стремится в каждом явлении обнаружить причину и взаимосвязь.

Изучение различного рода «суеверий» приводит нас к выводу о том, что этот феномен обладает серьезной

силой и в моменты социальных напряжений способен оказать влияние на развитие исторических событий и общественные отношения². Несмотря, однако, на силу «суеверий», действие которых проявляется даже в спокойные времена, необходимо признать наличие базовых потребностей человека, удовлетворение которых вынуждает его заботиться о пропитании, одежде и жилище для себя и своей семьи. Наличие «базовых потребностей», требующих удовлетворения, автоматически заставляет задуматься нас о том, что общество развивается не только за счет «суеверий», но и за счет экономической составляющей. Таким образом, социологическое — что означает социально-психологическое — исследование исторического развития общества необходимо проводить в разрезе удовлетворения экономических потребностей, принимая во внимание мотивы поведения экономических субъектов.

Часть А. Политические и экономические методы

Существуют два принципиально противоположных метода, посредством которых человек удовлетворяет свои потребности, — работа и разбой. Другими словами, собственный труд и насильственное присвоение труда других людей. Разбой! Принудительное изъятие! С учетом того что современная цивилизация строится на принципе неприкосновенности частной собственности, от этих слов веет насилием и тюрьмой. Негативное отношение к разбою сохраняется вне зависимости от того, где он происходит — на суше или на море, хотя, к примеру, наемничество, которое, по сути, является организованной формой разбоя, считалось одним из наиболее почитаемых занятий. Принимая во внимание многозначность понятий и определений, возникает насущная необходимость использования правильной терминологии в нашем дальнейшем исследовании. С этой целью при описании собственного труда и процесса равноправного обмена результатов своего труда на результаты труда других людей

я предлагаю использовать определение «экономические методы», в то время как для описания принудительного и неравноправного изъятия результатов чужого труда я предлагаю использовать определение «политические методы».

Предложения, описанные выше, далеко не новые, и на протяжении длительного времени историки сталкивались с подобным противоречием, пытаясь каким-то образом его описать и формализовать. Правда, никому из исследователей не удалось полностью сформулировать суть выявленного противоречия, и до сих пор не было четко и ясно показано, что основное противоречие проявляется в методах достижения схожих целей — приобретении экономических ресурсов, которые затем можно использовать для потребления. Это очень важный момент, значимость которого не стоит недооценивать, и в свое время даже Карл Маркс не избежал ловушки с формализацией противоречия между экономическими целями и методами их достижения. Неспособность Карла Маркса провести четкое разделение между разными по сути понятиями привело в итоге к тому, что он причислил «рабство» к «экономической категории», тогда как «власть» классифицировал в качестве «экономической силы». В подобных случаях полуправда таит в себе большую опасность, нежели абсолютная ложь, в связи с тем что на ее основе достаточно легко прийти к неверным выводам и ее труднее выявить.

Другими словами, четкое разделение методов достижения целей позволит нам избежать путаницы при проведении нашего исследования и станет ключом к пониманию этапов развития, сущности и целей «Государства». Более того, поскольку до сих пор история человечества представляла собой историю «Государства», то наше исследование позволит нам лучше понять исторические события. Здесь хотелось бы отметить, что вся мировая история, от первобытных времен до наших дней, представляет собой не что иное, как непрерывную борьбу между «экономическими» и «политическими» методами, которая будет продолжаться до тех пор, пока мы не достигнем такого уровня развития,

при котором станет возможным появление «свободного гражданства свободных людей».

Часть Б. Народы без Государства: охотники и собиратели

«Государство», как известно, представляет собой организованную форму использования «политических» методов. Таким образом, «Государство» не может возникнуть, пока при помощи «экономических» методов не будет создано достаточное количество ресурсов, которые можно перераспределить при помощи силовых методов или грабежа. Собственно, именно по этой причине первобытные охотники обходились без «Государства», которое начало формироваться только на более поздних этапах, когда первобытные охотники входят в столкновения со своими соседями, которых можно подчинить. Поэтому важно еще раз отметить факт того, что первобытные охотники жили в состоянии анархии.

По вопросу общественного устройства первобытных охотников Эрнст Гросс писал:

«Принимая во внимание факт того, что у первобытных охотников не наблюдалось сильного имущественного неравенства, не было и предпосылок для формирования “государственных структур”. Несмотря на то что зрелые члены племени в силу своего жизненного опыта обладали определенным авторитетом, взрослые мужчины племени, как правило, обладали равными правами и не всегда считали себя обязанными подчиняться авторитету старших. В тех же племенах, где присутствовал вождь (ботокуды, индейцы Центральной Калифорнии, ведды и аборигены Андаманских островов), его власть была сильно ограничена, и он не имел возможности продвигать свои личные интересы и идти против мнения большинства. Нужно отметить, что большинство племен первобытных охотников вообще не имели вождей, а взрослые мужчины племени представляют собой не более чем однородную массу, из кото-

рой выделялись только те индивиды, которые, согласно «общественному мнению», обладали «магической силой»³.

Фактически речь идет о том, что в среде первобытных охотников не было даже намека на «государственность» в терминах политической теории, не говоря уж о наличии «социологической идеи государства».

Социальная структура первобытных земледельцев не отличалась от общественной структуры первобытных охотников и не содержала признаков какой-либо «государственности». Несмотря на то что первобытные земледельцы производили обработку земли при помощи инструментов, что является одним из признаков более высокого экономического уровня, встречающимся только в государстве с относительно развитой экономикой и использованием принудительного труда, они жили свободными людьми, не стесненными рамками «государственного аппарата»⁴. Как правило, первобытные земледельцы из-за постоянных пограничных споров жили изолированными группами и в лучшем случае объединялись со своими соседями для почитания предков и племенных божеств. Объединения первобытных земледельцев не имели единой системы власти — в разных деревнях и поселениях были свои влиятельные персоны, «власть» которых была довольно ограниченной. Необходимо при этом отметить, что степень влияния персон определялась их личными качествами и, что более важно, приписываемыми им магическими силами. Генрих Кунов характеризовал перуанских крестьян до вторжения инков следующим образом: «Проживание большого количества независимых, хаотично перемешанных и взаимно воюющих племен, разделенных на автономные территориальные союзы, объединенных родственными узами»⁵. Подобное утверждение верно для всех первобытных крестьян Старого и Нового Света.

В таком состоянии общества вряд ли можно представить, что может возникнуть военная организация, основной целью которой было бы нападение на соседей. Так же трудно себе представить, что можно без серьезных

затруднений мобилизовать на взаимную оборону клан или, скажем, племя. Подобное поведение можно объяснить следующим образом: в связи с привязанностью крестьянина к земле он всегда тяжел на подъем, что сильно ограничивает его способность к передвижению. Таким образом, можно задаться вопросом: чем могут поживиться соседние жители в результате набегов по территории, заселенной крестьянами? Ведь один крестьянин не может поживиться у другого крестьянина чем-то новеньким, так как их быт в основном совпадает. В условиях общества, богатого сельскохозяйственными угодьями, каждый человек вносит свой вклад в обработку земли, занимая при этом столько территории, сколько ему необходимо для обеспечения жизни. В том случае, если крестьянин займет больше земли, чем ему необходимо, это приведет его к необходимости обеспечения сохранности избыточного продукта труда, которую в примитивных условиях довольно трудно обеспечить в силу скоропортящегося характера сельскохозяйственной продукции. Крестьянину из Центральной Африки, по словам Фридриха Ратцеля, для того чтобы не лишиться избыточного продукта своего труда, жизненно необходимо как можно быстрее перегнать его в пиво!

С учетом вышесказанного становится понятно, что война не может улучшить положение примитивных крестьян, и по этой причине им не хватает того воинственного настроя, которым обладают охотники и скотоводы, совершенно необходимого при проведении набегов. Помимо всего прочего серьезное влияние на характер примитивного крестьянина оказывает род его занятий — сама по себе обработка земли не способствует развитию военных способностей. Несмотря на то что обработка земли — это тяжелый труд и крестьянин обладает развитой мускульной силой, он тем не менее делает свою работу размеренно, что в итоге оказывает влияние и на модус жизни крестьянина. Охотники и кочевники, с другой стороны, живут совершенно в ином ритме, преобладающее значение в котором имеют повышенная скорость принятия решений и актив-

ные действия. Именно по этой причине примитивный крестьянин обычно обладает более мягким характером, нежели охотники и кочевники*.

В качестве итога можно сказать, что экономические и социальные условия жизни примитивных крестьян не оказывают определяющего влияния на появление развитых форм общественной интеграции, так как у крестьян отсутствует побудительный импульс к покорению соседей. Социальный и экономический уклад примитивных крестьян приводит к тому, что база для формирования «Государства» полностью отсутствует и, по сути, «Государство» никогда и не возникало при подобных условиях. Таким образом, примитивный крестьянин никогда бы не создал «Государства» без наличия внешнего влияния, которое осуществлялось народами с иным модусом жизни.

Часть В. Народы с Пред-Государством: скотоводы и викинги

Скотоводы, в отличие от крестьян, несмотря на свою разобщенность, разработали целый ряд элементов

* Как замечает Гросс в своей работе «Форма семьи» (с. 137), такое психологическое противоречие, несмотря на его очевидность, все же не является «истиной в последней инстанции»: «Некоторые историки любят противопоставлять крестьян воинственным кочевникам, утверждая при этом, что крестьяне довольно миролюбивы. На самом же деле нельзя со всей уверенностью утверждать, что экономическая деятельность толкает земледельцев к войне, как это происходит в случае кочевых племен скотоводов, но при этом в крестьянской среде можно найти массу примеров воинственного и жестокого поведения. Дикие людоеды с архипелага Бисмарка, кровожадные жители Фиджи, кровавые “мясники” Дагомеи и Ашанти — все они, в той или иной степени, занимаются “мирным” сельским хозяйством. Таким образом, если даже остальные земледельцы не так плохи, как приведенные выше примеры, то всё же “миролюбивость” основной массы крестьянства вызывает большие сомнения». — *Прим. амер. изд.*

государственности. В наиболее развитых племенах скотоводов государственное устройство обладало практически всеми признаками «Государства» в его современном понимании, за исключением разве что одного важного фактора — полного занятия определенной территории.

В племенах скотоводов экономический элемент был одним из определяющих, ведь даже без вмешательства внеэкономических сил имелись все предпосылки к возникновению имущественного неравенства. Если исходить из того, что на момент образования племени все его члены имели равное количество крупного рогатого скота, но с течением времени происходил процесс дифференциации, при котором одни члены племени становились беднее, а другие — богаче. Процесс дифференциации зависит от многих факторов: рачительный хозяин пристально приглядывает за своим стадом и защищает его от нападок диких зверей. Большое значение в процессе дифференциации имеет элемент удачи — кому-то из членов племени удастся найти хорошие пастбища для своего стада и водоемы для полива посевов, а кто-то в результате эпидемий и плохих погодных условий теряет скот и урожай.

Имущественное неравенство довольно быстро трансформируется в классовое — скотовод, потерявший все свое имущество, вынужден наниматься в услужение к богатому гражданину и, таким образом, попадает в зависимость от него. При этом, вне зависимости от географического положения скотоводов, наблюдается одна и та же картина, когда менее удачливый и бедный попадает в зависимость к более удачливому и богатому. Август Мейтцен пишет о саамах, кочевой народности в Норвегии: «Для обеспечения жизни одной семьи необходимо было владеть стадом в триста оленей, поэтому те, кто владел стадом в сто голов, были вынуждены идти в услужение к тем, кто владел стадом в тысячу голов»⁶.

У того же автора находим упоминание о среднеазиатских кочевниках: «Для обеспечения сносных условий жизни одной семьи требовалось стадо в триста голов. Стадо

в сто голов означало бедность и неизбежный рост долговой нагрузки. Участь бедняков предопределена — он должен горбатиться на богатого»⁷.

Информацию о практике «*commendatio*» африканского племени готтентотов можно почерпнуть у Фридриха Ратцеля: «Бедный человек идет в найм к богатому с единственной целью — разжиться скотом»⁸. Эмиль Лавелэ сообщает о схожих процессах в Ирландии и прослеживает возникновение феодальной системы (*système féodal*), в основе которой лежит «кредитование» скотом бедных членов племени со стороны более богатых. Следовательно, причитающийся к возврату «гонорар» за пользование «ссудой» (*fee-od*, владение скотом) представлял собой способ «закабаления» бедняков и позволял богатому рассматривать бедняка как «своего человека».

Мы можем только догадываться о тех методах, с помощью которых даже в миролюбивых сообществах кочевников экономическая и вытекающая из нее социальная дифференциация могли быть усилены за счет объединения усилий патриархов и служителей культа, если бы старейшины мастерски использовали суеверия своих соплеменников. Однако без применения политических методов подобная дифференциация имеет весьма ограниченные пределы. Более того, мастерство и эффективность не передаются по наследству, а в случае наличия большого количества детей в семье не спасет даже значительное поголовье скота, которое со временем придется разделить между наследниками, не каждому из которых будет сопутствовать удача. Для нашего времени в качестве примера можно привести историю самого богатого шведского саама, который за довольно короткий срок умудрился впасть в такую нищету, что пришлось вмешаться правительству Швеции и поддержать бывшего богача. Таким образом, мы можем утверждать, что рано или поздно, но под воздействием различных факторов в обществе восстанавливаются изначальные условия социального и экономического равенства. Справедливо и другое утверждение: «Чем более миролюбив и самобытен

кочевник, тем менее выражены видимые имущественные различия. Например, можно вспомнить, с каким чувством престарелый князь цайдамских монголов принимает свою дань или подарок, состоящий подчас из горстки табака, кусочка сахара и двадцати пяти копеек»⁹.

Однако при помощи политических средств равенство подвергается устойчивому разрушению. «Во время войн и погоней за добычей возникает неравенство, которое выражается в захвате и владении рабами, женщинами, оружием и племенными скакунами»¹⁰.

Владение рабами! Кочевник изобретает рабство, и, как первая форма эксплуатации человека человеком, оно станет фундаментом, на котором впоследствии возникнет государство.

Охотник живет войной и захватывает пленных, но не делает их рабами, — он либо убивает их, либо принимает их к себе в племя. Подобный подход по отношению к пленникам вызван тем, что рабы не представляют ценности для охотника — он не может их использовать. Таким образом, можно сказать, что добыча охотника может использоваться в значительно меньшей степени, чем это происходит с продуктами, производимыми земледельцами. Поэтому идея использования человека в качестве рабочего ресурса появляется только на таком этапе экономического развития, когда начинают формироваться основы «капитала», объем которого может быть увеличен только за счет использования зависимых трудовых ресурсов.

Стадии формирования «капитала» первыми достигают скотоводы — сил одной семьи, лишенной внешней поддержки и помощи, хватает лишь на то, чтобы содержать и обеспечивать защиту небольшого стада. До тех пор пока в игру не вступают политические методы, наблюдается скудность зависимых трудовых ресурсов, — к таковым обычно относятся бедные члены клана либо прибившиеся со стороны чужаки. Бывало и так, что целый клан бедных скотоводов поступал в услужение к более богатому клану или племени¹¹. В некоторых случаях наблюдалась

ситуация, при которой уровень благосостояния целого народа определял его социальные позиции. Так, например, тунгусы, уровень благосостояния которых очень низок, стараются жить поблизости от поселений чукчей, для которых выполняют роль пастухов оленьих стад, получая при этом в качестве оплаты за свою работу определенное поголовье оленей. Подобное развитие событий наблюдалось и во времена покорения племен самоедов зырянками путем постепенного занятия пастбищ¹².

За исключением разве что последнего примера, который уже более походит на «Государство», имеющейся в наличии у клана или племени рабочей силы, не подкрепленной «Капиталом», совершенно недостаточно для содержания значительного количества скота. В связи с тем что для рационального использования пастбищ нагрузку на них необходимо контролировать, это приводит к необходимости разделения стада и распределения его на несколько мест выпаса. Разделение стада помимо регулирования нагрузки на пастбища защищает скот от различных эпидемий и происшествий и затрудняет захват целого стада врагами. По этой причине богатые представители африканского племени гереро вынуждены помимо основного стада содержать несколько вспомогательных, в этом случае для присмотра за вспомогательными стадами привлекаются родственники и слуги¹³.

В связи с тем что захваченный пленник мог быть использован в качестве раба на пастбищах, кочевники начинают сохранять им жизнь. В качестве примера перехода от убийства к порабощению можно привести обычаи и обряды скифов, которые приносили в жертву лишь каждого сотого из захваченных ими пленных. В скифских обрядах Липперт видит «начало ограничений, причина которых, по всей видимости, кроется в той ценности, которую представляют собой пленники, которых можно использовать в качестве работников»¹⁴.

С началом использования рабов в племенных хозяйствах скотоводов мы видим все основные признаки

«Государства», за исключением разве что только территориальных границ. «Государство», таким образом, имеет форму господства, экономической основой которого является эксплуатация человеческого труда. Из всего этого следует, что быстрыми темпами увеличивается экономическое неравенство и начинают формироваться социальные классы. Поголовье скота богатых граждан, в целях безопасности разделенное на несколько хорошо охраняемых гуртов, как правило, не только сохраняется лучше, но и прирастает более высокими темпами, чем поголовье скота обычных граждан. Причиной быстрого увеличения поголовья скота богатых граждан является то, что в случае ведения боевых действий они могут выставить значительное количество бойцов или рабов, что автоматически приводит к получению ими увеличенной доли добычи.

При этом не нужно забывать и о служителях культа, деятельность которых со временем вносит раскол в доселе равноправные племена, — богатые граждане (и их наследники) постепенно начинают противопоставляться обычным гражданам. Липперт* пишет: «Краснокожие (*Redskin* — так европейцы называли индейцев, особенно в США), находясь еще в процессе организации, не развили у себя ни дворянства, ни рабства**, и в этом их организация существенным образом отличается от организаций Старого Света. Потому что как дворянство, так и рабство являются следствием развития патриархального общества у скотоводческих народов»¹⁵.

Вследствие этого во всех развитых племенах скотоводов существует социальное разделение на три класса: дворянство (по библейскому выражению — «глава семейства»), вольные граждане и рабы. По словам Теодора Моммзена,

* Julius Lippert (1839—1909) — австрийский историк и этнограф. — *Прим. перев.*

** Данное утверждение Липперта не совсем верно. Высокоразвитые домохозяйства охотников и рыболовов из районов Северо-Западной Америки имеют в своем сообществе как знать, так и рабов. — *Прим. авт.*

«у всех индогерманских племен рабство было сформированным правовым институтом»¹⁶. Это относится как к арийцам и семитам Азии и Африки, так и к хамитам. Мы видим, что в Сахаре общество разделено на князей, вождей, простолюдинов и рабов¹⁷. Иными словами, везде, где в системе права присутствует сформировавшийся институт рабства — от племени хова с Мадагаскара¹⁸ до их полинезийских сородичей, мы наблюдаем одни и те же факты, так как при схожих обстоятельствах человеческая природа приводит к схожим результатам, вне зависимости от цвета кожи и расы.

Таким образом, скотовод постепенно привыкает зарабатывать себе на жизнь при помощи войны, эксплуатируя при этом людей в качестве зависимой рабочей силы. При этом необходимо признать, что весь его образ жизни побуждает его все активнее использовать «политические средства».

Скотовод силен, ловок и целеустремлен, как и примитивный охотник, запасы пищи которого слишком нерегулярны и скудны, и за счет регулярного употребления молока и мяса скотовод достигает пика своего физического развития. Подобное положение вещей можно наблюдать как у арийского кочевника, так и у скотоводов Азии и Африки (например, зулу). Помимо прочего, численность скотоводов увеличивается быстрее, чем численность охотников. Быстрый рост численности скотоводов происходит не только за счет лучшего питания взрослых членов племени, но и за счет того, что постоянный доступ к молоку сокращает период выкармливания младенцев и приводит к увеличению количества детей в племени. Как следствие пастбища и степи стали теми неисчерпаемыми фонтанами, которые периодически выходили из своих границ и выпускали во внешний мир своих представителей. За это они были прозваны «лоном народов» (*vagina gentium*).

Примечателен и тот факт, что скотоводы располагают значительно большим числом бойцов, нежели охотники. При этом, как и охотник, боец-скотовод силен и мобилен

и помимо прочего имеет в составе своего войска еще и вооруженных всадников, что придает скотоводам еще большую мобильность. Большие массы скотоводов удерживаются вместе организацией, возможной только под руководством рабовладельческого патриархата. Эта организация появилась и развилась в условиях повседневного существования скотоводов, и она на голову превосходит организационные возможности охотников.

Охотники, как известно, лучше всего охотятся либо в одиночку, либо небольшими группами. Скотоводы же, как правило, предпочитают передвигаться большими караванами, обеспечивающими лучшую индивидуальную защиту, и, по сути, речь идет о передвижной боевой экспедиции, каждый привал которой превращается в военный лагерь. За счет использования техники перемещений вооруженных бойцов скотоводы развивают военную науку маневрирования, субординации и дисциплины. Как замечает Фридрих Ратцель: «Принимая во внимание дисциплину и порядок расстановки палаток, существовавший с древнейших времен, каждый член племени скотоводов находился на своем месте. Именно отсюда берут свое начало оперативность и точность при развешивании и перемещении лагеря, — неслыханное дело, если кто-то без приказа или наличия уважительной причины изменил место установки своей палатки. Таким образом, благодаря строгой дисциплине весь лагерь может сняться с места в течение часа»¹⁹.

Ритм жизни скотоводов, унаследованный с доисторических времен, оказывает влияние на его повседневное поведение, вне зависимости от того, находится ли он на охоте, воюет или просто мирно кочует с места на место. Сама жизнь превращает скотовода в закаленного бойца, противостоять которому было невозможно, до тех пор пока государство не создало более совершенные и мощные организации. Фактически речь идет о том, что понятия «скотовод» и «воин» со временем приобретают одинаковое значение. Следующий комментарий Фридриха Ратцеля в отношении кочевников Средней Азии можно смело

применить ко всем кочевым народам: «Кочевник одновременно сочетает в себе две разные концепции — в экономическом плане он представляет собой скотовода, но в политическом плане он представляет собой профессионального бойца. Скотовод легко переходит от мирной к военной деятельности, и для него все в этой жизни имеет две стороны — мирная деятельность или война с ее непременным разбоем, а наиболее предпочтительный вариант «деятельности» зависит от внешних обстоятельств. В качестве примера можно привести племена восточно-каспийских туркоманов*, превративших мирное рыболовство и судоходство в пиратство. Для скотовода всё имеет двойственность, даже мирный пастуший посох моментально превращается в оружие. Осенью, когда лошади возвращаются с пастбищ и окончена стрижка овец, кочевник обращает свои мысли к войне и грабежу (на языке тюркских кочевых народов — баранта). Понятие «баранта» берет свое начало в спорах и междоусобиях, затрагивающих вопросы чести, которые решаются путем осуществления возмездия и захвата добычи у врагов (как правило, стада животных). Для участия в набегах молодые люди должны сначала заслужить такое право (стать батыром, или героем) и обрести уважение и честь у соплеменников. Таким образом, как мы видим, на жажду приключений накладывается радость обладания богатствами, что в итоге приводит к формированию тройственной концепции — Мстителя, Героя и Разбойника»²⁰.

Схожие этапы развития наблюдаются и у «морских кочевников» — викингов, что вполне объяснимо, так как «морские кочевники» — это обычные сухопутные кочевники, перенесшие свои действия на морские просторы.

* Turkomans — туркоманы, так назывались ранее племена тюркских народов, живущие в Средней Азии, Ираке, Иране, Сирии, Туркменистане, Афганистане. В современном понимании туркоман — это представитель традиционно кочевого тюркского народа, населяющего Туркменистан и соседние районы, в Иране и Афганистане. — *Прим. перев.*

Выше мы привели лишь один из бесчисленных примеров, показывающий, что для осуществления своих дерзких мародерских набегов скотоводы без особых колебаний пересаживаются с лошади или «корабля пустыни» на «морских коней». Этот пример особенно хорошо прослеживается по действиям туркоманов, населяющих восточные районы Каспийского моря²¹. В качестве другого примера можно привести скифов, которые, набравшись мастерства мореплавания у своих соседей, эти странствующие пастухи, которых Гомер (Илиада, XIII, 3) называет «уважаемыми всадниками, любителями молока и бедными, самыми справедливыми из людей», превращаются в смелых навигаторов, подобно прибалтийским и скандинавским племенам. Страбон* отмечает, что «с тех пор, как Скифы осмелились выйти на море, занимаясь пиратством и убивая иностранцев, они стали хуже, а связываясь со многими народами, они переняли мелкую торговлю и склонность к растрате денег»²².

Если исходить из того, что финикийцы относились к семитским племенам, то они представляют собой отличный пример превращения сухопутных кочевников в воинственных морских разбойников. С большой долей вероятности подобное предположение справедливо и для большинства многочисленных народностей, грабивших богатые страны Средиземноморья, будь они хоть с побережья Малой Азии, Далмации или берегов Северной Африки, — подобные примеры известны с древнейших времен и прослеживаются даже в наше время (см. марокканские пираты)²³. Североафриканские «мавры», объединяющие в равной степени арабов и берберов, которые изначально были сухопутными кочевниками, являются, пожалуй, самым знаменитым примером трансформации кочевников и морских разбойников.

Справедливости ради нужно отметить, что имеются случаи, когда морские кочевники (читай — разбойники)

* Античный историк и географ Римской Греции. — *Прим. перев.*

возникают непосредственно из рыболовецких народностей, минуя стадию скотоводства. Ранее мы уже рассматривали факторы, которые дают скотоводам преимущество перед крестьянами, — относительная многочисленность кочевников в сочетании с опасной деятельностью, требующей от человека смелости и быстрого принятия решений, и жесткая дисциплина при мирных и военных передвижениях. Все эти факторы применимы и к рыбакам. Богатые рыболовные угодья не только обеспечивают значительную плотность населения, как это видно на примере племен северо-западных индейцев (тлинкиты), но и делают возможным применение рабского труда, так как за счет рыбного лова раб зарабатывает больше, чем стоит его содержание. Таким образом, даже в среде североамериканских индейцев рабство имеет форму устоявшегося общественного института, поэтому здесь также наблюдаются серьезные различия экономического характера, результатом которых является появление плутократии наподобие той, которую мы ранее отмечали у скотоводов. В обоих случаях привычка командовать рабами порождает жажду власти и тягу к «политическим средствам», а жесткая дисциплина, выработанная за время долгих изнурительных походов, только способствует этому. Как отмечает Фридрих Ратцель, «важное значение имеет дисциплина среди экипажей рыболовных судов, командиры которых избираются при помощи голосования. Приказы командиров не обсуждаются и должны исполняться беспрекословно, так как успех каждого члена экипажа зависит от действий всей команды. Неудивительно, что опыт командования кораблем сильно облегчает управление «Государством». Мы давно привыкли считать жителей Соломоновых островов полнейшими дикарями, но всё же их жизнь подчиняется навигации, объединяющей их в единое целое»²⁴. Поэтому можно сказать, что раз уж северо-западным индейцам не повезло стать знаменитыми пиратами, то это произошло лишь по причине отсутствия развитой цивилизации, расположенной где-то поблизости и способной описать историю их

жестоких набегов. Тем не менее все развитые рыбаки промышленности пиратством.

По указанным выше причинам викинги, как и скотоводы, имеют все возможности по использованию «политических средств» в качестве основы своего существования и, как это ни странно, они, так же как и скотоводы, стали основателями огромных «государств». В дальнейшем мы будем различать основанные викингами государства в качестве «морских», а основанные скотоводами — «сухопутных». При обсуждении развитого феодального государства нам потребуется дополнительный анализ морских государств, но до тех пор, пока мы рассматриваем процессы развития государства и примитивное феодальное государство, мы ограничимся только сухопутными государствами. Такой подход вполне оправдан, поскольку процессы, протекающие в морских государствах, примерно совпадают с процессами сухопутных государств.

Часть Г. Происхождение Государства

Не вызывает сомнений тот факт, что с точки зрения численности общин и индивидуальной силы бойцов охотники уступают скотоводам, которым они проигрывают при открытых столкновениях. Неудивительно, что после проигранных сражений охотники бегут в горы, где находят укрытие от скотоводов, которые не стремятся преследовать охотников по причине труднодоступности горных переходов и отсутствия удобных пастбищ для скота. При этом нередки случаи, когда скотоводы и охотники поддерживают между собой торговые отношения, как это часто бывало в древности на Африканском континенте. В качестве примера подобных отношений можно привести вторжение гиксосов в Египет, во время которого за ними следовали «зависимые» охотники. При подобного рода контактах, как правило, охотники платят скотоводам незначительную дань за защиту или используются в разведывательных целях. Однако принимая во внимание, что охотник представ-

ляет собой «практического анархиста», который скорее согласится умереть, чем быть чьим-то рабом, неудивительно, что «Государство» не возникло в результате деловых контактов между охотниками и скотоводами.

При обсуждении противостояния охотников и скотоводов нельзя не упомянуть о земледельцах, боевая эффективность которых чрезвычайно низка в силу их недисциплинированности, и поэтому, несмотря на свою большую численность, земледельцы, как и охотники, не могут противостоять нападениям тяжеловооруженных скотоводов. Однако, в отличие от охотников, земледельцы не спасаются бегством, — в силу своего занятия они привязаны к земле и привыкли к тяжелой работе. Таким образом, сдаваясь на милость победителям, земледелец принимает навязанные ему правила, что и является причиной зарождения «Государства» в Старом Свете.

В Новом Свете, не располагавшем значительными стадами лошадей, верблюдов и крупного рогатого скота, мы видим, что вместо скотовода покорителем земледельца становится охотник, который за счет своей ловкости, дисциплины и владения оружием выходит победителем в этом противостоянии. Фридрих Ратцель справедливо замечает, что цивилизацию в Старом Свете породил конфликт скотоводов и земледельцев, а в Новом Свете цивилизация возникла в результате противостояния оседлых и кочевых племен. Например, специализирующиеся на сельском хозяйстве тольтеки вели постоянные войны с племенами северных дикарей, обладавших развитой военной организацией, и ровно ту же картину можно наблюдать в перманентном противостоянии Ирана с Тураном²⁵.

Приведенное выше наблюдение относится не только к Перу и Мексике, но и ко всей Америке. Это позволяет нам сделать вывод о том, что в основе мировых цивилизаций лежали схожие фундаментальные принципы, которые одинаково работали вне зависимости от экономических или географических условий, — там, где человек обладает властью, он предпочитает использовать политические,

а не экономические средства. Причем, судя по всему, такой подход справедлив не только для человека, — так, Морис Метерлинк в своей «Жизни пчел» приводит пример того, как однажды рой пчел вместо утомительного сбора пыльцы «позаимствовал» готовый мед в чужом улье, и с тех пор для этого пчелиного роя «экономические средства» больше не работают, а вместо привычных трудолюбивых пчел появились пчелы-разбойники.

Если не принимать во внимание государственные образования Нового Света, не оказавшие большого влияния на мировую историю, то можно сказать, что причиной возникновения всех государств послужило противостояние земледельцев и скотоводов, рабочих и грабителей, сельскохозяйственных земель и скотоводческих пастбищ. Рассматривая социологические вопросы через призму географии, Фридрих Ратцель отметил, что «кочевники не всегда уничтожают противостоящую им цивилизацию оседлого народа, и это относится не только к отдельным племенам, но и к государственным образованиям. Стоит обратить внимание, что воинственный характер кочевников является важным фактором при создании государства, как это прекрасно видно на примерах азиатских стран, контролируемых кочевыми династиями, — Персии под властью турок, Китая под властью монголов и маньчжуров, Индии под властью моголов, Судана, в границах которого еще не произошло объединение ранее враждебных друг другу народностей, но уже видны усилия по развитию взаимного сотрудничества между вчерашними врагами. Именно на границе между кочевыми и земледельческими народами предельно ясно видно, как велико влияние кочевников на развитие цивилизации и что в основе этого влияния лежат военные действия, которые на первых порах лишь вредят мирному населению. Влияние кочевников заключается еще и в том, что они удерживали разрозненные народы под своей властью, без наличия которой покоренные кочевниками народы просто бы разбежались по разным углам. Умение удерживать покоренные народы под сво-

ей властью отнюдь не исключает возможности перенятия полезного опыта и навыков у побежденных, но здесь требуется оговорка: у всех этих трудолюбивых и умных покоренных народов нет и никогда не было воли к власти, военного духа, тяги к порядку и подчинению, свойственных государству. Именно по этой причине чернокожим населением Судана правят пустынные кочевники, а Китаем — маньчжуры. Как видно из приведенных выше примеров, государственные образования возникают на границах плодородных сельскохозяйственных земель и пастбищ, как результат насильственного подчинения оседлых народов воинственному импульсу кочевых племен, обладающих тягой к завоеваниям и власти»²⁶.

В процессе происхождения «Государства», в основе которого лежит насильственное подчинение земледельцев кочевниками или морскими разбойниками, можно выделить шесть этапов, и при этом совсем не очевидно, что все эти этапы развиваются в строгой последовательности и каждый конкретный случай будет обладать своими уникальными особенностями. Следовательно, можно выделить схожие этапы, которые наиболее часто встречаются в истории, отметив при этом, что в мире существуют как государства, прошедшие все стадии, так и те, которые пропустили один или несколько этапов в своем развитии.

Первый этап включает в себя грабеж и разбой в боях на приграничных территориях, которые ведутся даже в относительно мирное время и которые характеризуются убийством мужчин, захватом женщин и детей, угонами скота и разорением жилищ. Поэтому даже в тех случаях, когда нападающие получают отпор, они возвращаются обратно с новыми силами, побуждаемые долгом кровной мести. Временами случается и так, что земледельцы успевают сформировать ополчение, чтобы дать отпор врагу, но процесс мобилизации протекает слишком медленно, а поставки припасов на отдаленные территории обходятся слишком дорого. В отличие от скотоводов, которые передвигались вместе со своим скотом, использовавшимся

в виде продовольствия, ополчение земледельцев перемещалось с пустыми руками. За примерами не нужно далеко ходить: совсем недавно Германия столкнулась с похожей ситуацией в Юго-Западной Африке, когда великолепно обученное и оснащенное по последнему слову техники немецкое войско, высланное против горстки местных скотоводов, растратило все свои запасы и было вынуждено вернуться на базу для пополнения припасов. Ситуация с противостоянием мобильным группам кочевников в случае использования ополчения земледельцев еще более осложняется ввиду того, что земледелец мыслит категориями только своего подворья и тем, что за время боевых действий некому обрабатывать землю. Следовательно, компактное и высокомобильное войско почти всегда получает преимущество в бою перед большой фрагментированной массой необученных бойцов, как пантера над стадом буйволов.

Это первый этап становления государств. Государство может находиться на нем неограниченно продолжительное время и оставаться неизменным как сотню, так и тысячу лет. В качестве характерного примера можно привести племена кочевников-туркоманов, осуществлявших набеги со своих пастбищ на ближайшие приграничные районы, которые можно назвать «разбойничьи районы», в целях грабежа и наживы. Из-за постоянных набегов территории на севере и востоке от Хорсана, номинально находившиеся под властью персов, десятилетиями испытывали огромное влияние племен туркоманов, йомудов, гокленов, фактически находясь под их властью, а кочевые племена текинцев* осуществляли постоянные набеги и разграбление на всем протяжении участка от Хивы до Бухары — и так продолжалось до тех пор, пока часть кочевых туркоманских племен силой и подкупом не удалось привлечь в качестве защитного буфера от грабительских набегов. Помимо этого,

* *Текинцы* — одна из крупнейших племенных групп в составе туркменского народа. — *Прим. перев.*

на протяжении всей территории, простирающейся между Восточной и Западной Азией, можно найти бесчисленные примеры, где с древних времен китайцы оказывали доминирующее влияние, обладая всеми важными стратегическими центрами и городами-оазисами, такими как Оазис Чами*, — кочевые племена постоянно пытались овладеть этими островами плодородной земли, которые казались им райскими кущами. При этом важно отметить, что кочевники, независимо от того, спасались ли они бегством в случае неудачи или захватывали богатую добычу, были защищены открытыми пространствами равнин. В конечном итоге, несмотря на то что упадок цивилизации монголов в Китае привел к снижению угрозы для кочевых племен, дунганское восстание ясно показало, с какой легкостью высококомобильные кочевники могут наносить удары по островкам цивилизации. Таким образом, безопасность центров цивилизации Центральной Азии может быть обеспечена только за счет полного уничтожения кочевых племен, но этого невозможно добиться в реальной жизни до тех пор, пока существует надежное убежище всех кочевников — бескрайние равнины²⁷.

Вся история Старого Света изобилует примерами массовых набегов, которые по нашей классификации можно отнести к первой стадии развития «Государства» по причине того, что основной целью подобных набегов были не завоевания, а разбой и грабеж. Западная Европа пострадала от нашествий кельтов, немцев, гуннов, аваров, арабов, мадьяр, татар, монголов и турок, вторжения которых осуществлялись по суше; сарацины и викинги при осуществлении своих вторжений использовали морские пути. Как видим, в поисках добычи орды грабителей уходили далеко от привычных мест, наводняя собой целые континенты,

* *Оазис Чами* расположен на пути между Западным Китаем, с одной стороны, и Восточным Туркестаном и Чунгарией — с другой, имеет большое значение для военной деятельности, а также для торговли. — *Прим. перев.*

а после их опустошительных набегов оставалась только выжженная земля. Во время набегов нередко были случаи перехода к шестому и заключительному этапу формирования «Государства», при котором грабители брали под свой постоянный контроль крестьянское население. Фридрих Ратцель описывает процесс массовой миграции следующим образом:

«Походы полчищ кочевников Средней Азии и сопредельных территорий поражают воображение, когда они, преисполненные огромной силой, шаг за шагом следуют к своей цели. Среднеазиатские кочевые племена, как и кочевников Аравийского полуострова и Северной Африки, роднит способность к самоорганизации и быстрым передвижениям, — они с легкостью объединяются для достижения поставленной перед собой цели, но за счет имеющегося патриархального единства племени у кочевых народов быстро развивается деспотизм. Так начинают формироваться механизмы управления большими массами людей, которые можно сравнить с полноводной рекой, вбирающей в себя воды всех рек и речушек и переносящей их на дальние расстояния, а история вторжения кочевников в Китай, Индию, Персию и Европу лишь подтверждает их историческое значение. При этом, несмотря на то что во время дальних походов наличие дополнительного «балласта» могло серьезно замедлить передвижение, кочевники брали с собой не только домашний скarb, но и массу зависимых людей (жен, детей, рабов), что в итоге придало кочевникам чувство масштаба, — напуганные местные жители в ужасе бежали от наступающих орд, а поработители, накатываясь, словно волны, поглощали богатства побежденных народов. Принимая во внимание, что кочевники во время походов передвигались вместе со всем своим домашним скarbом, миграция кочевых племен имела еще и этнографическое значение — мадьяры заселили Венгрию, маньчжуры обосновались в Китае, а турки поселились на землях от Персии до Адриатического моря»²⁸.

Ранее упомянутые нами данные о племенах хамитов, семитов и монголов частично справедливы и для представителей арийских племен. Схожие процессы можно наблюдать и у негритянских племен, живущих за счет выпаса своих стад, — воинственные племена кафров обладали способностью к осуществлению экспансии, которым требовалось лишь указать желанную цель, ради достижения которой они пошли бы на любое насилие и разбой. В качестве такой цели были обозначены районы Восточной Африки, климат которой по сравнению с внутренними районами Африканского континента был более благоприятен для содержания и разведения скота и где нашли приют многочисленные племена земледельцев. Кочевые племена кафров, словно разрушительные потоки, заполнили плодородные земли Замбези от озера Танганьика до самого побережья — на этих землях они столкнулись с авангардом племени тутси, пришедшего с севера. Бывшие жители этих районов были либо истреблены, либо обращены в рабов и прикреплены к земле, которой раньше владели. Наблюдались, правда, и случаи сопротивления местных жителей наступающим ордам, либо случалось и так, что поселения, лежавшие вдали от магистральных путей передвижения завоевателей, просто оставляли в покое²⁹.

Описываемые здесь события произошли прямо у нас на глазах либо продолжают до сих пор. В течение многих тысячелетий подобные события сотрясали Восточную Африку от Замбези до Средиземного моря. В результате вторжения гиксосов в Египет страна на пятьсот лет попала под власть пастушьих племен восточных и северных пустынь, дальние родственники которых до сих пор пасут скот от Нила до Красного моря, и это стало одним из первых примеров создания «Государства»³⁰. За этим «Государством» последовали многие другие, как на прилегающих к Нилу территориях, так и дальше на юг, вплоть до Королевства Лунда (о котором португальские торговцы сообщали еще в конце шестнадцатого века) и Империи Уганды, которая только в наши дни уступила военной мощи Европы.

«Равнины и цивилизация нигде и никогда не живут в мире, а история их противостояния во многом схожа»³¹.

«История противостояния во многом схожа!» — подобные слова как нельзя лучше характеризуют базовые элементы мировой истории. Схожесть событий мировой истории объясняется тем, что человеческая психика в массе своей одинакова и одинаково реагирует на одинаковые воздействия окружающей среды, вне зависимости от расы, цвета кожи и географического положения. Нужно только выбрать такой угол зрения, чтобы красочная игра деталей не скрывала от нас полной картины событий мировой истории, и тогда мы ясно увидим ту «основу», которая местами окажется для нас новой, местами знакомой, но при этом вечно меняющейся в соответствии с универсальными законами.

После достижения и закрепления первого этапа формирования «Государства» начинается второй этап, когда покоренные земледельцы прекращают попытки сопротивления и принимают свою судьбу, — приблизительно в это самое время до дикого скотовода начинает доходить, что убитые земледельцы не могут вести обработку земель, а срубленное фруктовое дерево не может больше плодоносить. Принимая во внимание вышеизложенные факты и исходя из своих интересов, скотоводы по возможности больше не убивают земледельцев и не вырубаят плодоносящие деревья. Военные экспедиции скотоводов проходят, как и раньше, когда в боевой поход выступает хорошо вооруженное и подготовленное войско, но при этом скотоводы больше не стремятся вести тотальную войну на уничтожение и осуществлять массовый грабёж, — они убивают ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы навязать свою волю и сломить возможное сопротивление. Таким образом, можно говорить о том, что действия скотоводов развиваются в русле правовых обычаев, при которых скотоводы начинают изымать только излишки, производимые земледельцами. Другими словами, на втором этапе формирования «Государства» скотовод не обирает земледельца до нитки, а оставляет ему дом, инструменты

и запасы продовольствия, которых должно хватить до следующего урожая*. Проще говоря, на первом этапе скотовод представляет собой медведя, подчистую разоряющего пчелиный улей, а на втором этапе он становится пчеловодом, который заботится о своих пчелах и оставляет им мед на зимовку.

Прогресс между первым и вторым этапом просто огромен и представляет собой шаг вперед не только в экономическом, но и в политическом плане. Поначалу, как мы видели, скотоводы приобретали свои богатства только за счет силовых изъятий и, как правило, ради наслаждения моментом уничтожали источник доходов будущих периодов, абсолютно не задумываясь о возможных последствиях. При достижении второго этапа логика поведения меняется, — теперь на первый план выходит экономическая целесообразность, потому что экономика основывается на разумных методах хозяйствования или, другими словами, на ограничении сиюминутных потребностей в пользу долговременных интересов. Проще говоря, скотоводы научились «извлекать выгоду» из своих действий, что в политическом отношении является огромным шагом вперед, когда совершенно «беспольный» человек, до недавнего времени рассматривающийся только в качестве чьей-либо добычи, вдруг обретает ценность и становится источником богатства. Несмотря на то что из этих предпосылок исходит система рабовладения, угнетения и эксплуатации, но в то же время это представляет собой процесс формирования более развитых общественных отношений,

* В своей работе Ратцель (Ratzel I. с. II, р. 393), упоминая об арабах, пишет: «Имеющиеся проблемы с обеспечением рабов питанием делают практически невозможным их содержание, а большая часть населения, находясь в подчиненном положении, лишена всего, кроме самого необходимого для поддержания жизни. Арабы, таким образом, превращают оазисы в свою "кормовую базу" и осуществляют набеги на местных жителей в период сбора урожая с целью грабежа и разбоя — обычная практика для обитателей пустыни». — *Прим. авт.*

выходящий за пределы традиционных семейных отношений, в основе которых лежит кровное родство. Мы уже рассматривали процесс развития отношений между грабителями и их жертвами, которые до определенного момента были кровными врагами друг для друга. Таким образом, в результате развития отношений между скотоводами и земледельцами последние приобретают права на жизнь и необходимый набор продуктов и инструментов, так как начинает превалировать точка зрения о том, что грабить до нитки и убивать мирного человека не совсем правильно.

В процессе развития отношений между скотоводами и земледельцами начинает формироваться сеть взаимосвязей, за счет которой в отношения привносится все больше человечности, чем это бывает в обычной схеме раздела добычи. С учетом наличия существующих взаимосвязей между скотоводами и земледельцами в обычной жизни первые склонны внимательно прислушиваться к обоснованным претензиям последних и не беспокоить их попусту. До недавнего времени «категорический императив» — «относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе» — работал только в отношении «своих» по крови, но постепенно он начинает применяться и в отношении «чужих». В результате этого процесса закладываются основы наций и союзов, и со временем из него выйдет понятие «человечество». Помимо этого начинает развиваться процесс внутреннего объединения ранее разрозненных племен, и на смену ненависти к «варварам» приходит всеобъемлющая любовь к человечеству, лежащая в основе христианства и буддизма.

Таким образом, тот самый день, когда завоеватель впервые пощадил свою жертву, чтобы использовать плоды ее труда, имеет несравненное историческое значение, — в результате этого решения возникли нации и государства, права и экономика, а человечество начинает развивать не только государственное строительство, законы и экономику, но постигать любовь и искусство.

Процесс развития отношений между скотоводами и земледельцами, помимо всего прочего, приводит к углублению

психологических взаимосвязей. Если вспомнить пример сравнения скотовода с медведем, то его можно продолжить таким образом: в лесу живет не один медведь, и в нем всегда найдутся особи, которые жаждут меда. Поэтому племена скотоводов не просто изымают излишки произведенной земледельцами продукции, но и начинают защищать их от непрошенных гостей. В свою очередь, земледельцы привыкают к тому, что в случае опасности они зовут на подмогу скотоводов, которых принимают за защитников и спасителей, а не грабителей и убийц. Представьте себе радость земледельцев, когда летучий отряд мстителей возвращается в разграбленную деревню с головами или скальпами врагов, — это уже не просто «случайные связи», а полноценная «интеграция» вчерашних врагов.

Основным результатом подобной «интеграции» становится трансформация разноплеменных групп и народностей, говорящих на разных языках, в единую общность людей одним универсальным языком общения, одинаковыми обычаями и чувством национальной идентичности. Народное единство берет свое начало из совместно пережитых страданий и бед, побед и поражений, радостей и печалей. Когда хозяин и раб служат схожим интересам, то между ними рано или поздно возникает чувство взаимопонимания и сопричастности к достижению единой цели. Постепенно обе стороны постигают и признают человечность друг друга, и еще вчера раздражавшие и вызывавшие ненависть различия в языке, одежде, религии уходят на задний план, а вместо них все явственнее проступает общность между людьми. Шаг за шагом люди учатся понимать друг друга — сначала посредством общего языка, а затем и на мыслительном уровне, — сеть психоэмоциональных связей между людьми начинает крепнуть и шириться.

На втором этапе развития, по сути, закладываются реальные основы будущего «Государства», и ни один из последующих этапов не сравнится по степени важности с процессом трансформации агрессивного «медведя» в рачительного «пчеловода».

Третий этап формирования «Государства» характеризуется тем, что земледельцы по своей собственной инициативе начинают поставлять «излишки» произведенной ими продукции скотоводам в виде «дани». Таким образом, появляется механизм «регулирования» взаимоотношений между сторонами, который предоставляет очевидные преимущества участникам, — земледельцы освобождаются от набегов кочевников, которые обычно заканчивались убийством мужчин, насилием над женщинами и разорением хозяйств, а кочевники, с другой стороны, из-за снижения необходимости в осуществлении набегов на уже покоренных земледельцев перенаправляют все свои силы на «расширение зоны влияния» или, другими словами, на подчинение других земледельцев.

Истории хорошо известны случаи получения подобной дани с покоренных народов — в свое время с покоренного европейского населения ее получали гунны, мадьяры, татары и турки. При этом зачастую размер и состав уплачиваемой дани не были четко определены и в большей степени подразумевали плату за защиту от набегов или даже предоставление субсидий кочевникам. В качестве примера можно привести византийского императора, который считал предводителя гуннов Атиллу своим вассалом и уплачивал тому дань под видом «материальной помощи».

Четвертый этап добавляет один из решающих факторов развития «Государства» — совместное проживание земледельцев и кочевников на одной территории (хорошо известно, что определение «Государства» не обходится без концепции «государственной границы»)*, и с этого мо-

* Очевидно, что в случае с африканским племенем фульбе имеет место быть переходный период между первыми тремя и четвертым этапами развития «Государства», на протяжении которого доминирование осуществляется наполовину на международном уровне, а наполовину — внутри страны. По этому поводу Ратцель (I. с. II, с. 419) пишет: «Раса завоевателей, пользуясь отсутствием единства между племенами аборигенов, извлекает свою выгоду из такого положения и повсюду простирает свои

мента взаимоотношения двух групп приобретают характер внутривосточных, в отличие от межвосточных, практикуемых ранее.

При этом объединение групп кочевников и земледельцев в рамках определенной единой территории вполне может быть вызвано внешними факторами и влиянием. Например, возможны случаи, когда более сильные кочевые племена выгоняли менее сильных сородичей с насиженных мест, и те, в поисках лучшей доли, пытались удачу в набегах. Бывало и так, что со временем численность кочевых племен увеличивалась до такой степени, что имеющихся в их распоряжении пастбищ уже не хватало для обеспечения питания членов племени. Помимо этого нередко были случаи падежа скота, результатом которых был перевод уцелевшего скота с бескрайних равнин в более безопасные места, расположенные вдоль рек. Другими словами, помимо наличия внешних факторов, влияющих на формирование союза скотоводов и земледельцев, для подобного объединения вполне достаточно и внутренних причин. В процессе формирования единой группы скотоводов и земледельцев скотоводы вынуждены осуществлять защиту своих новых «соплеменников» от шатающихся поблизости

“щупальца”, словно какая-нибудь каракатица. Именно таким образом поступает племя фульбе, которое настойчиво расширяет зону своих интересов на целые регионы Нигерии, и некоторые исследователи совершенно справедливо воздерживаются от определения четких границ такого влияния. В связи с тем что племя фульбе рассеяно по довольно большой территории, несколько географических точек могут рассматриваться “центрами власти”. Город Мури, например, выступает в качестве столицы многочисленных поселений фульбе, разбросанных по центральной территории Нигерии, а для области Адамавы “столицей” выступает город Гола. На текущий момент не существует четких границ ни между государственными образованиями племени фульбе, ни между государственными образованиями фульбе и другими независимыми племенами, — более того, даже положение столиц этих “государственных образований” довольно зыбко». — *Прим. авт.*

«медведей» и постоянно держать в боевой готовности гарнизоны для отражения возможных атак. Помимо противодействия возможных набегов со стороны враждебных кочевых племен гарнизоны выполняли и еще одну важную функцию: они держали в узде земледельцев, не давая тем переметнуться на сторону вражеских войск. Подобные примеры далеко не редкость в мировой истории, и именно таким образом на Руси закрепились династия Рюриков.

Важно отметить, что совместное проживание племен скотоводов и земледельцев в рамках одной территории еще не означает «государственного образования» в строгом смысле этого понятия, но это уже унитарная общность.

В тех случаях, когда скотоводы имеют дело с мирными народами, они ведут обычную кочевую жизнь среди окружающих их «илотов» и «периеков», перегоняя свои стада с места на место. Это хорошо видно на примерах центральноафриканского племени вахинда³², представителей которого Ричард Кандт называл «самыми красивыми людьми в мире», и племени туарегов, занявших привилегированное положение среди местного населения, которые со временем занялись морским разбоем. При этом, несмотря на то что местное население могло выставить в десять раз больше войск против своих поработителей-туарегов, оно тем не менее занимало обслуживающее положение по отношению к своим завоевателям; подобные взаимоотношения известны на примере спартанцев и илотов³³. То же самое можно сказать и о племени тубу, перебравшемся в район Борку, хотя количество кочевников было примерно равно количеству оседлых народов в этой местности (от 10 до 12 тыс. человек), они тем не менее сумели подчинить себе местное население³⁴.

Все вышесказанное относится ко всей группе кочевых народов, известных как галла и вахинда: «Принимая во внимание большое имущественное расслоение у этих народов, нужно сказать, что они владеют довольно ограниченным количеством рабов, которые занимают нишу обслуживающего класса. Рабы представлены народами

низших каст, живущих отдельно от своих господ. Таким образом, скотоводство является основой семьи и государства, задающей тон процессу развития общественных отношений, но на всей протяженности Африканского континента от региона Шоа до Занзибара, несмотря на довольно развитые социальные отношения, ощущается отсутствие твердой политической власти»³⁵.

В тех случаях, когда условия не позволяли содержать большое количество скота, как это наблюдалось в странах Западной Европы, или когда есть риск сопротивления завоевателям со стороны мирного населения, наблюдается ситуация, при которой покорители занимают стратегически важные пункты для лагерей, замков или городов. Опорные пункты позволяют завоевателям контролировать своих «подданных» и собирать с них дань, не вступая в тесные отношения с местным населением, — завоеватели позволяют местному населению самостоятельно вести свои дела, отправлять религиозные потребности и разрешать внутренние споры. Даже «официальные власти» и чиновники местных жителей особо не взаимодействуют с представителями завоевателей.

Исследования Франца Буля, если они, конечно, корректны, подтверждают, что с подобных действий завоевателей начиналось израильское правление в Ханаане³⁶. То же самое касается и Абиссинии, которая на первый взгляд кажется нам полностью развитым государством, а на деле не ушла в своем развитии дальше четвертого этапа. По крайней мере Фридрих Ратцель замечал, что основной заботой абиссинцев был сбор дани, и они, подобно восточным монархиям древности, не особо заботились внутренними и правовыми делами подчиненных народов³⁷.

Одним из лучших примеров четвертого этапа формирования «Государства» служит история древней Мексики до испанского завоевания. Конфедерация под руководством мексиканцев вела постоянные войны с независимыми племенами, из которых были уничтожены только те, которые оказали наиболее яростное сопротивление.

В других случаях побежденные племена подвергались разграблению и принимали на себя обязательства по уплате дани победителям. При этом побежденное племя сохраняло самоуправление, которое осуществлялось своими же чиновниками, и, как и в Перу, в ходе набегов на независимые племена не поднимался вопрос о создании единой империи, — военные действия проводились только с целью запугивания и эксплуатации. Собственно, к моменту испанского завоевания Мексики она представляла собой группу запуганных племен, объединению которых перед лицом внешней угрозы мешал постоянный страх перед набегами; в этом случае, как будет показано далее, невозможно говорить о каком-либо «Государстве»³⁸. Фридрих Ратцель по этому поводу замечал, что укрепленные районы, контролируемые войсками Монтесумы, располагались далеко друг от друга, и это напоминало логику действий племени хова на Мадагаскаре. Нельзя, конечно, сказать, что разбросанные по территории гарнизоны, или, правильнее сказать, военные колонии, являются признаками абсолютного господства, по причине того, что ими контролируется лишь относительно небольшой кусок местности³⁹.

Логика развития событий быстро приводит к переходу с четвертого на пятый этап формирования «Государства», когда оно предстает практически в законченном виде. На этом этапе споры между деревнями и поселениями местных жителей больше не приводят к кровавой междоусобице, поскольку в результате подобных конфликтов серьезно страдает боеспособность земледельцев, завоеватели начинают с ними нещадно бороться. Постепенно завоеватели берут на себя ответственность по принятию решений в тех или иных спорах и, в случае необходимости, приводят в исполнение принятые ими решения. В конце концов это заканчивается тем, что в каждом «суде» местного князька или вождя племени появляется представитель лорда-завоевателя, который, собственно, и творит правосудие, оставляя вождям племени лишь видимость власти, — государст-

во инков представляет собой отличный пример подобных действий со стороны завоевателей.

Известно, что столицей империи инков был город Куско, где располагались их родовые земли и поместья⁴⁰, а в подчиненных племенах империя была представлена посредством своего представителя — тукричука. Представитель империи инков контролировал все дела своего района — собирал войска, руководил сбором и доставкой дани, распоряжался принудительными работами по строительству дорог и мостов, отвечал за отправление правосудия⁴¹.

Социальные институты, сформированные американскими охотниками и семитскими пастухами, встречаются и у африканских скотоводов. Так, например, у африканского племени ашанти существовала система, схожая с системой представителей тукричук в империи инков⁴², а племя дуала для управления подчиненными племенами создало систему, представляющую собой нечто среднее между феодализмом и рабовладельческим строем⁴³. Фридрих Ратцель считал, что общественный строй африканского племени баротсе обладает всеми признаками раннего феодализма, и сообщал буквально следующее по этому поводу: «Деревни баротсе, как правило, окружены поселениями зависимого населения, исполняющего роль обслуживающего персонала, который возделывает поля своих лордов и пасет их скот»⁴⁴. Единственный необычный момент, встречаемый нами у племени баротсе, — они живут в деревнях подчиненного местного населения, а не селятся в изолированных замках или укрепленных районах.

Всего лишь небольшой шаг отделяет инков от дорийцев Лакедомона, Месинии и Крита. Африканским племенам фульбе, дуала и баротсе также не очень далеко до жестко организованных империй Уганды, Уньоро и т.д. Феодальные империи Восточной и Западной Европы также не особо отличаются по своей сути от азиатских империй. Как видим, во всех частях света схожие результаты достигаются благодаря схожим социально-психологическим причинам. Необходимость поддержания порядка среди подчи-

Глава 2. Происхождение Государства

ненных племен и эффективного использования зависимой рабочей силы постепенно переводит «Государство» с пятого на шестой этап, когда начинает формироваться «национальная идентичность». У покорителей все чаще возникает необходимость вмешательства в дела местного населения, смягчения острых углов или, наоборот, применения наказания и принуждения в целях развития покорности у людей. Таким образом, у покорителей вырабатываются навыки управления и умение применять их на практике. Две группы людей, изначально разделенных, а затем проживающих совместно в рамках одной территории, начинают притираться друг к другу, и это в итоге приводит к формированию «единого сплава», — у людей появляется много общих обычаев и привычек, унифицируются язык и богослужения. Дело обычно заканчивается объединением высших и низших слоев общества, так как представители знати выбирают себе в качестве наложниц самых красивых девушек из самых низов. В результате смешения кровей формируется целый класс «внебрачных» детей (бастардов), которых высший класс либо принимает, либо отвергает. Внебрачные дети, рожденные от связей высших и низших слоев общества, за счет наличия крови высших слоев постепенно становятся признанными лидерами низших, зависимых слоев населения. На этом этапе заканчивается формирование примитивного «Государства».